

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТА И СУБЪЕКТНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

© 2020 Н. А. Котелевцев¹, О. М. Хомутова²

¹*канд. психол. наук, доцент кафедры специальной психологии
и коррекционной педагогики
e-mail: arv-78@yandex.ru*

²*старший преподаватель кафедры специальной психологии
и коррекционной педагогики
e-mail: alexolmi@rambler.ru*

Курский государственный университет

В статье рассматриваются современные представления зарубежных исследователей относительно таких понятий, как «субъект» и «субъектность», раскрывается особенность психологических взглядов на проблему понимания категории субъекта и субъектности с точки зрения иностранных ученых, что позволяет расширить представления о проблеме.

Ключевые слова: субъект, субъектность, субъект деятельности, деятельность, активность, личность.

В современной психологической науке на фоне развития субъектно-деятельностного подхода всё большую актуальность приобретает четкое определение категории субъекта и субъектности применительно как к личности, так и к группе. Как мы уже отмечали в своих работах, в отечественной психологии существует определённая сложность в определении понятия «субъект». Для того чтобы в полной мере определить понятие категории субъекта и субъектности в отечественной науке, необходимо обращение к зарубежным источникам литературы. Многие отечественные исследователи отмечают, что в понимании категории субъекта и субъектности в зарубежной литературе имеется много противоречивых представлений, которые отражают разнообразие содержательной стороны представленных терминов [Селезнева 2015: 47].

По мнению Г. Рей, понятие субъекта подразумевает под собой два необходимых аспекта: место формирования субъективности и способность стать субъектом. Субъект не может быть отделен от психологических процессов и от субъекта процесса. В целом субъектность – это система смыслов, которая является динамической и может быть выражена как в различных формах деятельности, так и в самом социальном пространстве, в котором действует субъект [González 2016]. Получается, что, по мнению Г. Рей, субъектность – это внутреннее системное качество, не только позволяющее сформировать активно-направленный тип личности, но и выступающее условием его формирования.

Исследуя зарубежные источники, мы сталкиваемся с тем, что категория субъектности находится в постоянном движении, в результате чего её полноценное познание (с точки зрения некоторых авторов) является недостижимым. Ученые из Католического университета Сан-Паулу А. Бок и М. Гонсалес говорят о том, что для исследования доступны такие элементы субъектности, как индивидуальные составляющие и социальные составляющие. Так, субъективное измерение реальности – это индивидуальные и коллективные конструкции, которые, взаимодействуя друг с другом, приводят к возникновению продуктов, которые в конечном счёте могут быть

расценены как субъективные. Отсюда получается, что субъектность, по мнению А. Бок и М. Гонсалес, объединяет и трансформирует более простые категории и определяет отношение между индивидами и обществом, подчеркивая субъективность этих отношений, раскрывая в итоге общий характер психики, которая определяется социальной реальностью и обладает конкретным действием [González 2011].

М. О'Лафлин считает, что человек становится субъектом через процессы идентификации и дезидентификации: гендерная и этническая идентичность уточняется через идентификацию с полом или этнически идентифицированными объектами (процесс отождествления), в то время как у подрастающего поколения может происходить и обратный процесс (разотождествление), в результате чего объекты воспринимаются как чужие. Интуитивное определение субъектности выявляет много трудностей, так как дети могут идентифицировать себя с антисоциальными или социально регрессивными характеристиками [O'loughlin 2001]. Процесс отождествления ребёнка с матерью (как часть проявления его собственной субъектности), по мнению таких авторов, как Гренсон и Стивенс, является основополагающим в формировании пола: если мальчики начинают определять женственность как норму, то для возможности претендовать на мужской пол, необходимо разотождествление с этой нормой [Greenson 1978].

Заметим, что в зарубежных исследованиях обнаруживаются и такие работы, которые в качестве центрального в развитии личности выделяют не категорию субъектности, а процесс формирования привязанности. В таком контексте личность ребенка развивается во взаимодействии с первичными воспитателями, важность ранней привязанности в эмоциональном развитии, роль установок воспитателя и развитие доверия являются основополагающими для исследования мира [Sroufe 1979].

К идее сторонников теории привязанности близка и мысль Д.Н. Стерна, который считает, что человек существует в процессе взаимоотношений с другими, но ведущим направлением исследования является то, как именно человек участвует в деятельности с теми людьми, которые развивают и поддерживают его индивидуальность. В качестве ведущего понятия автор указывает на субъектный опыт, который возникает как совокупность действий ребенка и умственной деятельности, – данная форма субъектности описывается им как дорефлексивная [Stern 1985].

К. Уилбер в своих работах определяет субъектность через термин «самость», которая представляется некоторой совокупностью психических процессов и состояний, трансформируя все это в субъективно переживаемый опыт [Уильбер 2004]. Процесс становления субъектности происходит через отождествление с объектом (принятие собственного образа «Я»), затем ввиду накопления опыта идёт сознательное разотождествление, что позволяет воспринимать тот или иной объект (явление) с большей долей объективного реализма. Отсюда получается, что трансформация развития заключается в переходе от «субъекта» восприятия, к «объекту» восприятия [Уильбер 2004: 43]. В качестве примера автор приводит вариант отождествления ребёнка со своим телом, которое воспринимается как неотъемлемая часть собственного образа «Я», затем центральным звеном восприятия становятся мыслительные процессы, а тело переходит в категорию объективного восприятия. В итоге самость при познании нового отождествляется с ним и после полного отождествления переходит на стадию дистанцирования, которая должна способствовать не только интеграции в её структуру, но и переходу на более высокий уровень развития. Такая интеграция развивает и дополняет структуру сознания (формируя новые установки, ценности и представления). По К. Уилбер, самость, как часть внутренней субъектности, способствует процессам самоотождествления, определяет произвольную направленность личности, формирует духовно-нравственные представления, находит

свое отражение в процессах мыслительной и познавательной активности индивида, тем самым выступая аккумулярующим началом психической стабильности. В нашем исследовании позиция К. Уилбер примечательна тем, что субъектность и субъект определяются не через высший уровень развития психики индивида, а применяется подход полисубъектности (самость может себя проявлять на любом из уровней психического развития человека).

С. Тревартен вводит термин «интерсубъективность», описывая его как социальные взаимоотношения взрослого и ребенка, позволяя установить различия в системе «Я–Другой». Заметим, что в работах автора центральным понятием определяется «личность», которая рассматривается как некоторая совокупность психических характеристик, влияющих на мысли, эмоции, мотивы, поведение человека [Trevarthen 1979].

Заметим, что среди зарубежных исследователей субъектность рассматривается через понятие самоэффективности личности. Наиболее значимые исследования в этой области принадлежат представителю позитивного подхода в психологии А. Бандура, который определяет субъектность через способность личности к сознательной регуляции не только внутреннего состояния, но и социальной ситуации. Способность индивида осознавать возможность своего активного влияния на окружающую социально-культурную среду лежит в основе активно-действенной направленности личности. При этом А. Бандура ведущую роль в мотивации человека к деятельности отводит его уверенности в своих силах [Bandura 2008].

Интересно представление М. Ньюсона о проблеме субъектности как произвольной активности человека, формирующейся не только через выполнение деятельности, но и через контроль этой деятельности [Newson 2009: 13]. В исследовании особенностей проявления субъектных качеств в контексте выполнения творческой деятельности R.A. Stebbins говорит о том, что в первую очередь индивид стремится к раскрытию потенциала своих намерений, а ведущая роль отводит процессам планирования и организации самой творческой деятельности [Stebbins 2015].

В модели индивидуального субъекта Р. Харре ведущая роль принадлежит феномену автономии, под которой подразумевается такой вид деятельности и активности, которые в большей степени зависят от самого индивида, а не условий реализации деятельности. Получается, что субъектные качества индивида проявляются через способность выйти за пределы поля реализации деятельности, тем самым контролируя большую часть её условий. Получается, что человек как субъект, по Р. Харре, изменяет своё поведение благодаря имеющейся способности самостоятельного выбора альтернатив реализации поведения, контролю имеющихся трудностей и отвлекающих факторов, что приводит к проявлению четкого контроля над своим внутренним психическим состоянием (чувства, мотивы, цели и т.д.) и внешними социальными условиями («самоинтервенция» по Р. Харре) [Harre 1983].

Х.Р. Маркус и С. Китаяма выделяют две основные модели субъектности: индивидуально-соединенная субъектность (проявляющаяся в процессе взаимодействия индивидов в группе) и индивидуально-разъединенная субъектность (проявляется в личностной автономии и способности индивида к активному поведению). Онтогенез субъектности в своей основе выстраивается на способности индивида не только усваивать культурные модели поведения и взаимодействия на внутренне-индивидуальном уровне, но и переносить данные модели в конкретные паттерны реализации своей активности [Markus 2003].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в зарубежной психологической науке понятие субъекта и субъектности тесно связано с внутренним психическим состоянием, опосредующим

общую способность личности к активному приспособлению и адаптации к окружающей среде (на уровне мнений и представлений). Такой подход обусловлен концептуально-методологическими особенностями рассмотрения сущностных закономерностей формирования и развития психики человека.

Во-вторых, немногие авторы отмечают связь развития психических качеств личности и той деятельности, в которой данная личность находится, отдавая предпочтение отождествлению и саморегуляции (само-подражанию).

В-третьих, некоторые авторы отмечают зависимость между той деятельностью, которой овладевает индивид, и его способностью к автономному поведению, которое и определяет развитие основных психических свойств и качеств личности.

Тем не менее проведенный анализ помогает нам доказать, что в отечественной психологической науке проблема определения категории субъекта и субъектности рассматривается более системно и широко (см., напр.: [Котелевцев 2019]), тем самым позволяя исследователям открывать все новые грани в этом вопросе.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (19-013-00016 А, по договору № 19-013-00016\19).

Библиографический список

Котелевцев Н.А. Определение субъекта и субъектности в отечественной психологической науке // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/Котелевцев_Н.А._Статья.pdf (дата обращения: 12.01.2020).

Селезнева М.В. Сравнительный анализ понятий «Субъект» и «Субъектность» в зарубежной психологии // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2015. №2. С. 47–53.

Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия. М.: АСТ, 2004. 224 с.

Уилбер К. Проект Атман: Трансперсональный взгляд на человеческое развитие. М.: АСТ, 2004. 314 с.

Bandura A. An agentic perspective on positive psychology // Positive psychology: Exploring the best in people. 2008. Vol 1: Discovering human strengths. Lopez, Shane J. (Ed.); Westport. CT. US: Praeger Publishers/Greenwood Publishing Group. P. 167–196.

González Rey, F. A re-examination of defining moments in Vygotsky's work and their implications for his continuing legacy // Mind, Culture, & Activity. 2011. 18. P. 257–275.

González Rey, F. Advancing the topics of social reality, culture, and subjectivity from a cultural-historical standpoint: Moments, paths, and contradictions // Journal of Theoretical and Philosophical Psychology. 2016. 6(6). P. 175–189.

Greenson Ralph R. Explorations in Psychoanalysis. New York: International Universities Press, 1978. 578 p.

Harre R. Personal being: a theory for individual psychology. Oxford: Blackwell, 1983. 299 p.

Hewson M. Agency // A. Mills, G. Durepos, & E. Wiebe (Eds.). Encyclopedia of case study research. (pp. 13-17). 2009. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc. doi: <http://dx.doi.org/10.4135/9781412957397.n5>

Markus H. R., Kitayama S. Models of Agency: Sociocultural Diversity in the Constructor of Action // Nebraska Symposium on Motivation. Vol. 49. Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self. Lincoln (NB). 2003. P. 5.

O'loughlin Michael The Development of Subjectivity in Young Children: Theoretical and Pedagogical Considerations Unit Penerbitan dan Publikasi STIKES Aisyah Pringsewu Lampung // Contemporary Issues in Early Childhood Contemporary Issues in Early Childhood. 2001. Vol. 2. P. 49–65.

Sroufe L.A. Socioemotional development // J. Osofsky (Ed.), Handbook of infant development. New York: Wiley, 1979. P. 462–518.

Stebbins R.A. The Interrelationship of Leisure and Play: Play as Leisure. Leisure as Play. Houndmills. UK: Palgrave Macmillan. 2015. 183 p.

Stern D.N. The interpersonal world of the infant. NY: Basic Books, 1985.

Trevarthen Colwyn. Communication and cooperation in early infancy: A description of primary intersubjectivity // *Before speech: The beginning of human communication*, ed. Margaret Bullowa. 1979. P. 321–347.